

УДК 1: 168.522 (575.2) (04)

**КУЛЬТУРОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЗНАНИЕ:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОГНИТИВНОГО СТАТУСА**

И.И. Иванова¹

In area of culturistics there are not only some lines of culturological science but also parascientific knowledge, not only cognitive field but also practical activity attended by one. At the same time the term «culturology» designates only scientific knowledge, moreover empirical, interdisciplinary and complex one. This complex has characteristics not only of humanitarian or socio-humanitarian science but also of humanitarian-technical one. While it's essential to recognize that all the methodological questions may be decided mainly by philosophy of science.

Ключевые слова: культура, гуманитарная наука, социально-гуманитарная наука, гуманитарно-техническая наука, теоретическое познание культуры, историческое познание культуры, культурознание, культурология, принципы деления наук, междисциплинарный статус науки, междисциплинарный комплекс, научная рациональность.

Проблема развернутого определения культурознания или культурологии может решаться только исходя из конкретного понимания культуры, хотя приходится учитывать, что одних лишь основных таких пониманий, пре-

тендующих на теоретико-методологический подход, к настоящему времени накопилось множество сотен². С другой стороны, уже эту проблему – множественности дефиниций культуры – решить вне культуроведческой

¹ *Иванова Ирина Ивановна* – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии науки, зав. философским отделением гуманитарного факультета КРСУ.

² Как это заметил еще американский культурантрополог Л.А. Уайт, с именем которого обычно и связывают появление слова «культурология», термин «культура» вообще каждый предпочитает понимать по-своему (что, кстати сказать, на самом деле свидетельствует лишь об отсутствии понятийного статуса у соответствующих представлений о феномене).

Для одних культура – научаемое поведение, для других – только абстракция поведения. Для одних культурой являются только объекты материальной природы, для других – любые, кроме материальных. Некоторые изображают культуру как совокупность идей, но при этом яростно спорят между собой о том, где именно такие идеи обитают – в сознании изучаемых людей или всего лишь в сознании изучающих их этно- и антропологов. В конечном счете к культуре относят все, что хоть как-то связано со способностью человека к символизации: идеи, верования, отношения, чувства, действия, модели поведения, обычаи, законы,

аналитики просто невозможно. Между тем, еще Аристотель настаивал на том, чтобы в системе реальных и номинальных определений приоритет отдавался все-таки первым, так что если следовать данному требованию, то исходить надо будет не просто из того или иного толкования феномена культуры, а из намерения раскрыть именно его сущность. Однако один и тот же объект может иметь лишь одну сущность, поэтому чрезмерность дефиниций культуры остается признать либо методологическим нонсенсом¹, либо тем крайне сложным случаем обнаружения искомой сущности, когда ориентированный на данный поиск когнитивный процесс весьма растянут во времени².

Как бы, тем не менее, мы ни трактовали возникшую определительную множественность, порочный круг, возникающий во взаимосвязи «культура–культурология», от этого никуда не девается: культурологию не удастся эффективно определить без дефиниции культуры, а дать удовлетворительную дефиницию культуры невозможно вне культурологии как специальной области знания, как раз для этого и предназначенной. И хотя при этом проблематичными являются оба компонента указанной взаимосвязи, «разорвать» круг, думается, все-таки возможно. Для этого, в качестве первого шага, из всех

методологических приемов, используемых при дифференциации научного знания, базовым необходимо будет признать классический подход – деление наук по предмету. Культура же при этом должна рассматриваться не как предмет, а всего лишь как объект изучения. Тогда конкретные аспекты, выделяемые в ней теми или иными исследователями (этнографами, антропологами, археологами, историками, искусствоведами, литературоведами, текстологами, краеведами, социологами, религиоведами и пр.), превратят исходный объект в соответствующие предметы. Понятно, что таковые будут, как и прежде, многочисленными и разными, но зато их многообразие станет упорядоченным и, главное, рационально осмысленным. Кроме того, наконец-то появится реальная возможность отразить содержание культуры во всем его богатстве и полноте, хотя итоговая полнота, напоминающая скорее мозаику, будет, понятно, все еще далека от интегральной целостности.

При этом полностью не исключается и другой принцип деления наук – по основным типам исследовательских методологий. В качестве же специфически культурологических методов в этом случае, как известно, выдвигаются рационально-объяснительный и описательно-интерпретативный (культурно-

институты, произведения и формы искусства, орнаменты, фетиши, заговоры, язык, инструменты, орудия труда, механизмы, утварь и т.д. [Уайт Л.А. Понятие культуры // Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретация культуры. – СПб., 1997. С.17-48]. «В любом случае культура – это и искусство, и наука, и философия, а также религия, мифология, эзотерика, бытовая повседневность, политические доктрины, житейское поведение людей и т.д. и т.п. до бесконечности. Фактически все, с чем имеет дело человек с тех пор, как он осознал себя человеком, это культура...» [Кондаков И.В.

Гуманитарная культурология // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.1. – СПб., 1998. С.156].

¹ Неслучайно тот же Л.А. Уайт восклицал: «Интересно, как повели бы себя физики, если бы у них существовало столько же различных представлений об энергии!» [Цит. по: Кравченко А.И. Хрестоматия по культурологии. – М., 2008. С.87].

² Соответственно, все эти упомянутые сотни определений на самом деле придется отнести к описаниям, указаниям, характеристикам и пр., то есть к обычным подготовительным этапам на познавательном пути к подлинному определению.

контекстуальный) подходы¹. Однако при всей перспективности такого деления для развития культурологических приемов исследования (особенно с учетом имеющегося здесь герменевтического ресурса) следует признать, что сам классификационный принцип не получает у исследователей однозначной оценки, в том числе в плане логико-методологической корректности. В частности, не удается добиться того, чтобы члены деления полностью исключали друг друга, а сумма их объемов совпала с объемом делимого.

Еще менее ценными видятся примененные к культурологическому знанию классификации, произведенные по специфическим целям или «уровням познания и обобщения»², поскольку на практике они разрушают сами логико-методологические основания операции деления. В самом деле, целей, признанных для культурологии специфическими, можно немало найти и в других сферах гуманитарного знания (а это приведет к неизбежной логической ошибке «пересечения» членов деления). Что касается «уровней познания и обобщения», то, как справедливо замечает А.Я. Флиер, «Здесь прежде всего имеет место разделение культурологии на фундаментальную, изучающую культуру с целью теоретического и исторического познания этого феномена, разрабатывающую категориальный аппарат и методы исследования и т.п., и прикладную, ориентированную на использование фундаментальных знаний о культуре в целях прогнозирования, проектирования и регулирования актуальных культурных процессов...»³. Однако он же (да и вообще практически каждый культуролог)

настаивает на следующем: «Тем не менее собственно культурология является вполне **эмпирической** (курсив – И.И.И.) наукой, исследующей конкретно-исторические явления культуры и выявляющей универсальные закономерности порождения, функционирования и изменчивости этих явлений»⁴. Но поскольку фундаментальная (и, следовательно, теоретическая) наука не может быть эмпирической, а на эмпирическом уровне нельзя выявить упомянутые «универсальные закономерности», то получается очередной методологический нонсенс.

Таким образом, направление поиска через определение культурологией своего места среди прочих наук о культуре (как предмете, а не всего лишь объекте) – антропологии (социальной, культурной и пр.), этнологии, этнографии, этнометодологии, востоковедения, антропогеографии, истории (в том числе истории техники), археологии, краеведения, музееведения, консервации и реставрации историко-культурных объектов, искусствоведения, литературоведения, эстетики, этномузыкологии, иконологии, мифологических теорий, культурной семантики, семиотики культуры, антропологической лингвистики, этнолингвистики, культурно-исторической психологии, этноэкологии, теории культуры и пр. – приходится признать тупиковым. А если сюда добавить еще и сложившиеся на сегодня дифференциации внутри самой культурологии – гуманитарную⁵, историческую, социальную, прикладную культурологию, культурологию науки, психоаналитическую и невообразимо еще какую культурологию, – да к тому же вспомнить о сложностях взаимоот-

¹ См., в частности: Флиер А.Я. Культурология // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.1. С.373.

² См. там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С.372.

⁵ Особенно настораживает квалификация гуманитарной культурологии: «...гуманитарная культурология пребывая в смысловом пространстве гуманитаристики как таковой, не просто находится в одном ряду с ...гуманитарными дисциплинами как одна из них, но

ношений культурологии с культурфилософией (философией культуры) и феноменологией культуры, то блуждания по лабиринту культурознания покажутся бесконечными. Одно, тем не менее, останется в создавшейся ситуации определенным – невозможность настаивать на том, что сама по себе культурология уже является некоторой частной, отдельной, самостоятельной наукой – как принято выражаться, культурологией в собственном смысле.

Между тем, если учесть междисциплинарный – социально-гуманитарный – статус культурологии, можно предположить, что проблема ее вычленения из предметной «размытости» проистекает именно отсюда. Однако тут же возникают контраргументы в виде наличия технических наук и технологий: с одной стороны, к культурологии их напрямую не отнесешь (хотя бы в силу ее ценностно-регулятивного характера), а с другой, – техника является одним из самых типичных проявлений и компонентов культуры. Кроме того, нельзя сбросить со счетов давно утвердившуюся методологическую традицию междисциплинарного соединения технических наук отнюдь не с гуманитарным или социальным знанием, а с математическим или естественным (и, как следствие, – получения естественно-технических наук). Неужели те более или менее устоявшиеся на сегодняшний день дисциплинарные классификации, известные как деления знания на науки о природе и науки о духе или же на науки о природе и науки о культуре, утрачивают смысл?

Думается, ответ на этот и связанные с ним вопросы следует искать главным образом в особенностях постнеклассической рацио-

предстает как своеобразная “метанаука”, обобщающая эмпирические данные и теоретические обобщения своих гуманитарных “контрагентов” и не сводимая к ним» [Кондаков И.В. Указ. раб. С.156]. Здесь даже не культурология, а

нальности – в парадигме функционирования современного научного знания. При этом, в компаративистских целях, полезно оценить всю картину исторически неоднократно меняющейся научной рациональности¹:

I. «Доклассический» период (до XVII в.):

- Идеал научной рациональности – принцип «знание ради знания». Объект – мегамир во всем его многообразии. Преобладает умозрительно-спекулятивный анализ, основанный на дедуктивно-рационалистическом подходе (лишь на самом раннем этапе – на индуктивно-рационалистическом). Основной метод – наблюдение. Характерно единство субъекта и объекта. Познавательный процесс не имеет выраженной практической направленности;

- Научная картина мира носит выраженный интегративный характер, основанный на взаимосвязи «макркосма» и «микркосма». Доминирует геоцентризм. В объяснении процессов развития объективного мира преобладает принцип цикличности. Развитие рассматривается как имманентно-естественный динамизм;

- Философия – «царица всех наук». Стиль мышления – интуитивно-диалектический (основанный на спекулятивном умозрении). Преобладает тенденция к единству знания о природе и человеке. Доминирует антропокосмизм.

II. «Классический» период (XVII – нач. XX вв.):

- Идеал науки – принцип «Знание – сила». Объект науки – макромир (Зем-

всего лишь часть ее предстает этакой «царицей всех наук» (по крайней мере, всех гуманитарных наук).

¹ Идея такой разделенной на этапы картины принадлежит В.С. Степину [Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. – М., 2000].

ля и ближний Космос). Роль механики обуславливает доминанту индуктивно-эмпирического подхода. Субъект и объект противостоят друг другу. Познавательный процесс не исключает прагматики;

- Научная картина мира приобретает выраженный механистический характер. Доминирует гелиоцентризм. Преобладает воззрение о тварности мира и его объектов;

- Определяющее значение принадлежит механистическому детерминизму, для которого типичны абсолютизация причинно-следственных связей и отрицание случайности. Стиль мышления – механистично-метафизический (антидиалектический). В системе научного знания усиливаются дифференциальные тенденции. Все более утверждается антропоцентризм.

III. «Неклассический» период (нач. – кон. XX в.):

- Идеал науки – принцип относительности исследуемого явления по отношению к субъекту. Объект науки – микромир. Выявляется взаимосвязь эмпирического и теоретического уровней познания. Формулируется тезис о зависимости объекта от субъекта. Теория и прикладные области находятся в сочетании и взаимодействии;

- Научная картина утрачивает сугубо механическую интерпретацию. Формируются частнонаучные картины мира («физическая картина мира», «биологическая картина мира», «социальная картина мира» и пр.¹). Речь все чаще заходит не о картине мира, а о картине наших к нему отношений;

- Широко распространен диалектический стиль мышления (опирающийся в том числе на представления вероятностного характера). Детерминистские и индетерминистские воззрения на оценку динамики социальных процессов сочетаются между собой. В развитии науки – дифференциально-интегральные тенденции. В процессах естественнонаучного познания усиливается их «человеческое измерение».

IV. «Постнеклассический» период (кон. XX – нач. XXI вв.):

- Идеал науки – сочетание объективного и ценностного подходов. Объект науки – мега-макро- и микромиры. Эмпирический, рациональный и интуитивный уровни познания взаимосвязаны. В процессе познания широко включаются ценностные элементы, а его целью делается тождество субъекта и объекта. Одной из определяющих тенденций развития науки становится ее аксиологизация. С одной стороны, повышается степень «фундаментализации» прикладных наук, с другой, – усиливается «практизация» фундаментальных дисциплин;

- Наблюдается возвратный переход от частнонаучных к общенаучной картине мира. Преобладают идеи глобального эволюционизма. Широко распространен биосфероцентризм (трактовка элементов отношений «человек–биосфера–космос» в их взаимосвязи и единстве);

- Утверждается синергетический стиль научного мышления (с характерными для него интегративностью, нелинейностью, бифуркационностью). В динамике науки усиливаются интегративные тенденции. Разрыв между естественнонаучным и гуманитарным знанием начинает преодолеваться. Че-

¹ Примечательно, что понятия «культурной картины мира» не сложилось.

ловек имманентно включается в структуру научно-познавательного процесса (антропный принцип).

Включенная в приведенную динамику рациональностей, культурология, с учетом истории ее возникновения, оказывается частично в неклассической парадигме, но главным образом – все-таки в постнеклассической. А это значит, что характерный также и для нее переход от частнонаучных к общенаучной картине мира оказывается не возвратной тенденцией, как это справедливо для наук, возникших еще в «классический» период, а изначальным пунктом развития. Вот почему культурология являет собой не какую-то одну частную науку, а исходно междисциплинарный комплекс, обладающий, к тому же, синергичным характером¹. Иными словами, она избавлена от необходимости интегрировать свое знание, поскольку самим актом собственного рождения обязана ранее состоявшейся интеграции научного знания, да к тому же еще и произошедшей в антропно-аксиологическом клю-

¹ При этом не хотелось бы смешивать синергичность с банальной аморфностью или, как это иногда бывает из-за методологической «неряшливости», подменять ее псевдоструктурированием. Так, во «Введении в культуроведение» Ю.В. Рождественского среди источников культуроведения встречаются не только действительные источники, но и члены мереологического, а также таксономического делений, что на самом деле является элементами и формами самого культурологического знания [*Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение.* – М., 1996. С.8].

² Рабинович В.Л. Культурология //Словарь философских терминов/Науч. ред. В.Г. Кузнецов. – М., 2005. С.274. Кроме идеи зависимости культурологической науки от трактовки культуры, заслуживающим внимания у В.Л. Рабиновича представляется также его деление культурологии на историческую (изучающую культуру в аспекте творчества, диалога культур, реконструкции культурных образов) и консервационную (музееведение, охрану историко-культурных объектов, их консервацию и реставрацию) – в зависимости от

че (сколько пониманий культуры – столько культурологий²).

В то же время следует подчеркнуть, что упомянутая выше культурология как интегративный комплекс является соответствующим соединением не любого знания, а только сугубо научного. Данное замечание является важным теперь уже не в связи с необходимостью определять место культурологии среди других наук сходного профиля, а в связи с потребностью отличать ее еще и от культуроведения. При этом предложенные П.А. Флоренским термины «культуроведение» и «культурознание», в отличие от возникшей в англоязычной литературе «культурологии», имеют российское происхождение, однако в российской и русскоязычной науке укоренился все-таки термин «культурология», а не какой-то иной. И здесь, как это часто бывает, можно долго «играть словами», рассуждая, какой из терминов подошел бы больше для обозначения того или иного объекта, но язык, даже такой искусственный, как язык науки, увы, предпочитает функционировать

того, актом или фактом культуры являются конкретные объекты исследования. Впрочем, сам автор такого деления говорит о «прозрачности» границ между полученными двумя типами, а значит – не совсем о делении (как строгой логико-методологической процедуре). В то же время отнюдь не случайным представляется совпадение данного «деления» с перечнем научных специальностей ВАК РФ: «Теория и история культуры» и «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов» (хотя первоначально данный перечень выглядел иначе: «Теория культуры», «Историческая культурология», «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов», «Прикладная культурология»). Неслучайным представляется и обобщающее название указанных специальностей – «Культурология». Не «Культурологические науки» либо «Науки о культуре» (по аналогии, скажем, с «Политическими науками» или «Философскими науками» в том же перечне ВАК РФ), а именно «Культурология».

по собственным правилам¹. Гораздо более полезно разобраться в уже сложившихся словесных закреплениях², например, в тех, что предстают в связи с рассматриваемой темой как принципиальные.

Так, против использования «культуроведения» и «культурознания» в качестве синонимов возражений обычно не бывает, однако их семантические особенности видятся каждому исследователю по-своему. Скажем, для Ю.В. Рождественского «культуроведение» просто тождественно «культурологии»³, а для А.Я. Флиера – тоже тождественно, но не любой «культурологии», а только понимаемой в широком смысле – совокупности «...частных научных дисциплин, изучающих отдельные подсистемы культуры по специализированным областям деятельности»⁴. Впрочем, оба автора сходятся в главном: и культуроведение,

и культурология должны фигурировать только в качестве научного знания. А куда, в таком случае, отнести и каким термином обозначить формы пусть связанной с культурой, но паранаучной (по выражению В.Л. Рабиновича, «околокультурологической») деятельности – философию и теологию культуры, умение управлять ею и строить соответствующую политику? И вообще, так ли уж обязательно всякому знанию непременно «рядиться в научные одежды»? Та же теология культуры, например, имеет в западном интеллектуализме высочайший престиж без всяких претензий на звание науки⁵.

Таким образом, с учетом реальной терминологической ситуации, сложившейся на сегодня в российском и русскоязычном культуроведении, приходится признать следующее. В область культуроведения (культурознания) включены не только те или иные направления культурологической науки, но и широкий спектр паранаучного знания, не только когни-

¹ В этом плане весьма поучительна история термина «логистика». В античности и эпоху средневековья логистикой называли практические операции вычислений и измерений в арифметике (последняя выступала по отношению к первой в качестве теоретического знания). На рубеже XVII–XVIII вв. Г.В. Лейбниц использовал «логистику» как один из возможных терминов для обозначения зарождающейся математической логики (исчисления умозаключений). На II Всемирном философском конгрессе в 1904 г., по предложению М. Ительсона, Л. Кутюра и А. Лаланда, этот термин был официально закреплен за уже набравшей силу математической (символической) логикой. Тем не менее, к концу XX в. «логистика» прочно утвердилась в экономике – в своем обозначении управления материальными ресурсами.

² И здесь не следует сбрасывать со счетов, что порой даже у тех авторов, которые явным образом вводят определения конкретных терминов, в действительности практикуется – правда, теперь уже в неявном виде – не совсем то (если не сказать – совсем не то) их употребление.

³ *Рождественский Ю.В.* Указ. раб. С.8.

⁴ *Флиер А.Я.* Указ. раб. С.372.

⁵ «Теология культуры, экзистенциальная теология – направление в современной протестантской

теологии. Основные идеи направления были выработаны немецко-американским теологом П. Тиллихом (1886–1965)... Концепция Тиллиха сформировалась под влиянием философских идей Платона, Августина, И. Канта, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, К. Ясперса. Своими учителями он считал протестантских теологов Келлера и Р. Бульмана. ... Утверждая символическую природу всех традиционных христианских понятий, Тиллих считает необходимым дать философскую интерпретацию их содержанию, поскольку, как и Ф. Шлейермахер, полагает, что теология должна быть философской» [Ершова И.И. Теология культуры //Религиоведение. Энциклопедический словарь /Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М., 2006. С.1046].

«Теология культуры... – понимание человеческой культуры, охватывающей все творческие достижения людей, в свете теологических убеждений. В теологии культуры важное место отводится природе различных теологических тем, а также природе культуры, выраженной в ее идеалах, целях и ценностях» [Мак-Ким Д.К. Вестминстерский словарь теологических терминов /Пер. с англ. – М., 2004. С.403].

тивная сфера, но и обслуживаемая ею практическая деятельность. Термин же «культурология», при всей его этнолингвистической и иной проблематичности¹, закрепился за обозначением только научного знания, причем эмпирического и существующего лишь в форме специфического междисциплинарного комплекса, а не в виде отдельной науки². Специфичность же данного комплекса заключается не только в том, что природа его синергичности заставляет признать за культурологией статус не одной лишь гуманитарной, а социально-гуманитарной и, вдобавок, гуманитарно-технической науки, но также в том, что внутри него нельзя решить вопросы теоретико-методологического, принципиального характера: эмпирический уровень знания позволяет осуществлять лишь первичные обобщения и систематизации, не способные подняться до производства теоретических оснований.

Это значит, что сначала перед культурологической наукой нужно поставить адекватные ей задачи и, как минимум, убрать из ВАК-овского перечня специальностей (по шифру «24.00.00 – Культурология») упоминание о «Теории культуры», но, в то же время, оставить «Историю культуры». Кроме того, следует существенно расширить сам спектр

собственно культурологических дисциплин (и в исторической, и в «консервационной» части), а также формально закрепить сложившиеся здесь реалии. Далее, как закономерное следствие, имеет смысл ввести «Теорию культуры» (быть может, даже в качестве самостоятельной научной специальности) в блок, соответствующий шифру «09.00.00 – Философские науки»³. С одной стороны, это внесет некоторую определенность во взаимоотношения культурологической науки с философией, а с другой, – позволит корректно решить целый ряд методологических задач. В частности, станет возможным обосновать целесообразность использования культурологией не столько эмпирических, сколько герменевтических методов исследования, а также разработать соответствующую, то есть специфическую именно для нее технику применения универсальной герменевтики.

Приходится признать, что произведенная десять лет назад оценка состояния российской культурологии в целом оказывается верной и сейчас: «Культурология в России пока еще находится в стадии формирования в качестве целостного направления познания и в силу того отличается известной мозаичностью, неструктурированностью, низким уровнем синтезированности своих фило-

¹ См. в частности *White L.A. Culturology // International Encyclopedia of the Social Sciences. V.3. – N.Y., 1968. P.547-550.*

² Неслучайно в базовом учебнике «Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / Под общ. ред. В.В. Миронова. – М.: Гардарики, 2006» в подразделе «Философские проблемы специальных наук» раздела «Философские проблемы социально-гуманитарных наук» культурология (именно как специальная наука) не представлена. В то же время там имеются «Философские и методологические проблемы филологических дисциплин», «Философско-методологические проблемы психологической науки»,

«Философские проблемы образования и педагогики», «Философские и методологические проблемы исторической науки», «Философские и методологические проблемы социологической науки», «Философские и методологические проблемы наук о государстве и праве», «Философско-методологические проблемы политической науки» и «Философско-методологические проблемы экономической науки».

³ Это тем более осмысленно, если учесть, что среди философских специальностей высшего образования специализация «030101/11 – История и теория культуры» (наряду с «030101/10 – Философской антропологией», «030101/12 – Философией языка», «030101/14 – Социолнгвистикой», «030101/09 – Философией религии» и «030101/08 – Философией

софских, социологических, исторических и гуманитарных составляющих, недостаточным осмыслением социальных функций и познавательных целей»¹. Но означает ли это отсутствие в данной области вообще какой-либо положительной динамики? Неужели российское культурознание, единственно отважившееся выступить в качестве культурологии, так и остановилось на этапе заявлений о благих намерениях? По-прежнему ли

главными его отличительными чертами являются «мозаичность», «неструктурированность», «недостаточное осмысление социальных функций и познавательных целей»? Думается, что ответ на эти принципиальные для культурологии вопросы она сможет получить главным образом из философской методологии науки. Конечно, если захочет таковой услышать.

и методологией науки») существует с 2005 г. Кроме того, и программа по истории культурологии (в рамках кандидатского экзамена «История и философия науки») разработана также специалистами-философами – Институтом философии РАН, – равно как и соответствующий базовый учебник [История культурологии: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук /Под ред. А.П. Огурцова. – М.: Гардарики, 2006].

¹Флиер А.Я. Культурологическое образование //Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.1. С.371.
